

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ И ПАТРОНАТА

© 2009 М.М. Леонов

Самарский муниципальный институт управления

Поступила в редакцию 25.02.2009

Статья представляет собой историографический обзор, посвященный ключевым работам о неформальных связях и патронате, опубликованных на английском, немецком и русском языках. Автор приходит к заключению, что научный инструментарий теории патроната открывает новые горизонты изучения чиновного мира России рубежа XIX – XX вв.

Ключевые слова: патрон, клиент, посредник, неформальные связи, протектирование, должность, бюрократия, коррупция, общественность, государственная власть, политика.

Сюжеты функционирования власти и механизмы распределения различных благ, наград и должностей не могут быть раскрыты в полной мере без изучения неформальных связей, существующих между представителями любой иерархии. В последние годы тема отношений патронов и клиентов вновь вышла на передний план. Это связано с возросшим интересом к жизни бюрократического мира и, в частности, с феноменом коррупции, эффективность борьбы с которой напрямую увязана с пониманием ее истоков. В ряде европейских государств созданы и плодотворно работают центры по изучению патроната и неформальных связей.

Как явление мировой истории патронат проявлял себя в разных плоскостях человеческой деятельности и имел несколько традиционных смыслов¹. Можно говорить о патронате в социально-экономической сфере, сфере политики, а также сферах науки, искусств и т.д.² Разыскания по каждому из этих “узких” направлений могут представлять значительный интерес для исследователей из сопредельных областей, если касаются общих вопросов, например, языка патроната. В то же время, специфические особенности покровительства в сфере искусств и науки побуждали к разграничению понятий. По мнению Т.Купера (Трасу Соопер), целесообразно пользоваться терминами, аналогичными тем, которые существуют в итальянском языке: *mecenatismo* для обозначения меценатства и патроната искусств, и *clientelismo* для обозначения других видов, в частности, политического патроната³.

Патронат в смысле *clientelismo*, “привязанный” к обществу, политике и государственной службе, в англоязычной традиции также представлен разными терминами, наиболее употребительными из которых являются *patronage*, *clientelism* и *patron-client relationship*. Диссертационное сочинение Л.Тевеса (Lurli Teves) показало, что на практике они обозначают один концепт⁴.

Согласно устоявшимся представлениям, в самом общем виде патронат представляет собой диадическую связь между неравными, один из которых, патрон, наделяет второго, клиента, покровительством, открывает ему доступ к ресурсам и гарантирует защиту, взамен получая от клиента лояльность и услуги⁵. С патронатом часто связывают коррупцию, которая также обнаруживается, в больших или меньших масштабах, в любом обществе⁶.

Россия не составляла исключения. Хотя отечественные историки до 90-х гг. прошлого века не посвящали специальных исследований отношениям патронов и клиентов (первой ласточкой стали труды М.Н.Афанасьева⁷), зарубежная русистика проделала большой путь в этом направлении. В настоящее время мы располагаем значительным количеством работ, проливающих свет на то, как в Новое время патронат практиковался на русской почве⁸.

Питательной средой для патроната в бюрократическом мире России XIX в. была непрозрачность процедуры селекции кандидатур на вакантные должности. Разумеется, государство регламентировало формальную сторону процесса, однако это несколько не снижало значения протекции, повышавшей вероятность получения теплого местечка и быстрого продвижения по лестнице чинов. В ситуации, когда выбор между несколькими примерно равными кандидатурами зависел от личных предпочтений руководителя, стороннее влияние было практически неизбежным⁹. Прислушиваясь к рекомендациям или уступая просьбам того или иного покровителя, руководитель мог извлечь из процесса назначения на должность дополнительную личную выгоду, поскольку оказанная им услуга предполагала сопоставимый ответ. Эта глубоко укоренившаяся

Леонов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории, философии и социологии. E-mail: mtleonov@gmail.com

ся практика вполне соответствовала мировоззрению российской бюрократии¹⁰. Ряд попыток реформировать систему чиновничества не изменил существенным образом положения дел.

Хотя отношения патроната были известны у многих народов и в разные эпохи, нельзя сказать, что за внешним сходством стояло идентичное содержание. Как отметил Э.Макцак (Antoni Maczak), феномен патроната был представлен по всей Европе во многом похожими формами, особенно внешними - лексикой, обычаями и обрядами. Однако отношения патроната играли различные, даже противоположные роли в различных локальных системах власти. Ряд конференций по патронату продемонстрировал, насколько запутанными были эти человеческие отношения; вариативность коренилась не столько в самих связях патрон-клиент (или патрон-брокер-клиент), сколько в "социально-политической матрице" современных им обществ¹¹. По словам одного из исследователей, "отличительной чертой патроната было его многообразие"¹².

Патронат не обязательно представлял собой простую диадическую связь. Для сложноорганизованных сообществ, включавших множество потенциальных патронов и клиентов, было характерно наличие профессиональных посредников. Работа посредника состояла в "сведении" патронов и клиентов, хотя и не ограничивалась этим. Стоит отметить, что протектирование было вообще характерно для бюрократической культуры, и многие лица охотно занимались им. Отличие профессионального посредника от "любителя" состояло, прежде всего, в масштабах деятельности. Профессионал обладал развитой индивидуальной сетью и был хорошо информирован об имевшихся и намечавшихся вакансиях, о характерах и предпочтениях его "друзей", об их отношениях между собою и о ресурсах, подконтрольных каждому из них. Он постоянно находился на виду и мог совершать разом множество сделок. Все это требовало значительных усилий и временных затрат, поэтому посредники по возможности избегали каждодневной обременительной работы, предпочитая ей синекуры.

Патронат и посредничество как феномены общественной жизни изучаются представителями разных дисциплин. Опыт исторических реконструкций сочетается с исследованиями социологов и антропологов, посвященными патронату и посредничеству в современных обществах¹³. Среди наиболее значимых антропологических сочинений следует указать на "классические" и "новаторские" для своего времени работы Дж.Бойссвейна (Jeremy Boissevain)¹⁴.

Бойссвейн трактовал посредничество как частное предприятие, потенциально позволяв-

шее извлекать внушительные дивиденды, но вместе с тем требовавшее больших затрат. В своей знаменитой работе "Друзья друзей: сети, манипуляторы и коалиции" он использовал ряд понятий, с помощью которых можно описать функционирование индивидуальной сети посредника: "Подобно тому, как деревни, поселки и города развиваются в точках, где встречаются каналы коммуникации (дороги, реки, железнодорожные пути), различные социальные формы развиваются на местах пересечения важных связей. Эти места пересечения – люди. Каждый индивид представляет собой точку пересечения связей. Однако не все люди проявляют равное рвение и способности в деле развития отношений со стратегически важными персонами и манипулирования ими ради извлечения пользы. Более того, чтобы использовать свою сеть стратегических связей – свое предприятие – с выгодой, человек должен быть впереди конкурентов. Наибольший успех достигается с помощью приемов или ресурсов, которые не применялись прежде в той же социальной ситуации или на той же арене. Короче говоря, он новатор. Это значит, что он готов к определенному риску, к тому, что результат инноваций, как правило, предсказать трудно. Человек, который строит предприятие и управляет им с целью получения выгод, в свете его инноваций и рисков может быть назван антрепренером (entrepreneur). Ресурсы, которыми манипулирует антрепренер, относятся к двум определенным типам, хотя очень часто встречаются в комбинации. Одни, такие как земля, работа, научные фонды или специальные знания, он контролирует напрямую. Другие – это стратегические контакты с другими людьми, которые владеют ресурсами сами, или имеют выход на таких владельцев. Первые можно назвать ресурсами первого порядка, вторые – ресурсами второго порядка. Лица, которые распределяют ресурсы первого порядка, могут быть названы патронами. Те, кто распределяет ресурсы второго плана, – посредники (brokers). Посредник – это особый тип антрепренера: антрепренер, контролирующий ресурсы второго порядка и манипулирующий ими ради собственной выгоды. Таким образом, посредники – высококвалифицированные специалисты по связям"¹⁵. Стратегические связи, которыми оперировал посредник, в терминологии Бойссвейна получили наименование "каналов коммуникации" (communication channels). Под открытым каналом коммуникации понимается связь с человеком, готовым сотрудничать и оказывать услуги. Каналы коммуникации образовывали личную сеть посредника и помогали ему держаться на плаву. Благодаря им создавался "капитал" посредника¹⁶.

Опыт изучения манипуляторов разного рода привел исследователя к заключению, что для успешного функционирования, помимо разветвленной системы каналов коммуникации, посреднику необходимо было соответствовать нескольким ключевым характеристикам. Во-первых, он должен был занимать “центральное положение” (“centrality”), то есть быть в курсе событий. К посреднику приходили не только по делу, но и за новостями. Поэтому успешные посредники нередко были хозяевами салонов, если речь идет о высшем обществе, или, например, владели магазинами, если речь о низах. Во-вторых, посредник должен был быть доступен в любое время, поскольку зачастую решение вопросов, входящих в его компетенцию, не терпело отлагательств. Следовательно, свободный от семьи и рутинных служебных обязанностей человек лучше подходил на эту роль, поскольку располагал свободным временем, и, что существенно, позволял побеспокоить себя дома по экстренному делу. В-третьих, посреднику необходимы были природная склонность к деятельности такого рода и осознанное желание заниматься ею. Наконец, существенным плюсом являлось обладание *ресурсами первого порядка*.¹⁷

Бойссвейн трактовал посредничество как бизнес со своей системой правил и расчетов. Эта трактовка отразилась и в его терминологии: “брокер”, “кредит”, “инвестиции”. По мнению исследователя, корыстные мотивы посредника, как правило, были скрыты¹⁸. Для обозначения выгоды, извлекаемой посредником из взаимодействия со своими партнерами по сети, Бойссвейн использовал понятие “тариф”¹⁹. Выгода могла быть разной: услуги, информация, даже просто психологическое удовлетворение. Лишь в редких случаях оплата услуг посредника осуществлялась деньгами²⁰. Оплата деньгами означала бы, что клиент “расплатился” и более ничего не должен, то есть посредник потерял канал коммуникации и ослабил свою индивидуальную сеть. Чтобы избежать такого поворота, посредники практиковали отсрочку платежей: предполагалось, что оплата будет произведена впоследствии ответными услугами. Посреднику было выгодно иметь как можно больше должников и держать каналы коммуникации открытыми. “Это инвестиции в будущее”, – подчеркивал Бойссвейн²¹.

Сравнивая положения посредника и патрона, Бойссвейн пришел к выводу, что посредник потенциально мог располагать большим символическим капиталом²², чем патрон, поскольку он оперировал *ресурсами второго порядка*, а патрону приходилось распределять *ресурсы первого порядка*, материальные блага, которые по определению не безграничны. Собственно говоря, *ресур-*

сы второго порядка трудно поддаются учету, и никто не знал достоверно, насколько велик символический капитал посредника. Именно поэтому значение имело не только то, чем располагал посредник в реальности, но также и то, что другие думали о его капитале. Престиж посредника, таким образом, был зависим от общественного мнения: “посредник спекулирует и обнадеживает”²³. По той же причине посреднику было проще, чем патрону, вербовать клиентов: его обещания обеспечивались потенциалом его сети, а не принадлежавшими ему лично материальными благами. Конечная цель посредника, согласно концепции Бойссвейна, состояла в максимально возможном расширении своей сети за счет включения в нее людей, контролирующих *ресурсы первого порядка*.

Концепция, предложенная Бойссвейном – это, разумеется, достаточно общая схема функционирования посредника. Специфические условия конкретной среды могли заметно влиять на принципы и механизмы взаимодействия с патронами и клиентами.

Прежде всего, надо отметить, что на практике о чистых типах “патронов” и “посредников” можно рассуждать лишь с оговорками. Исследования Дж. Бина (John Bean) на английском материале убедительно продемонстрировали, что патроны не только опирались на материальные фонды, но и содействовали своим людям, мобилизуя контакты с другими патронами, то есть *ресурсы второго порядка*. В этом Бин видел отличие патрона от лорда (последний оперировал исключительно материальными ценностями)²⁴. Иными словами, “патрон” мог выступать в роли “посредника”, и наоборот, “посредник” мог иметь собственных клиентов, по отношению к которым он являлся патроном. Грань между ними была условна, и состояла, по-видимому, в том, что профессиональный “посредник” аккумулировал в своих руках гораздо большее, чем патрон, количество *ресурсов второго порядка*, даже преимущественно такие ресурсы, и систематически посвящал посредничеству свое время.

На неоднозначность положения посредника обращали внимание многие исследователи. Так, Дж. Борн (J.M. Bourne) называл посредников “псевдо-патронами” и полагал, что посредники, в зависимости от ситуации, могли выступать не только в роли патрона, но и в роли клиента²⁵. Аналогичные наблюдения присутствуют в работе Ш. Кеттеринг (Sharon Kettering) о патронах, посредниках и клиентах во Франции. По наблюдениям этого автора, посредник мог действовать как патрон, обещая награду своим клиентам, и как клиент, обеспечивая лояльность и службу для патрона: клиенты посредника становились “субклиентами”, и, иногда, клиентами патрона²⁶.

Среди работ, посвященных практике функционирования конкретной локальной сети, хотелось бы остановиться на сочинении польского исследователя В. Тыгиельского (Wojciech Tygielski) “Политика патроната в Польше эпохи Ренессанса”²⁷. Размышляя о деятельности Яна Замойского, автор сделал любопытные выводы о ресурсах, подконтрольных посреднику. Так, “центральное положение” определялось не только наличием собственной территории для встреч. Анализируя ситуацию в Польше, исследователь пришел к выводу, что успех операций посредника определялся тем, владел ли он необходимой информацией. В руках успешного дельца сходились сведения из самых разных источников о перспективах и вакансиях, открывавшихся на государственной службе (например, о серьезной болезни чиновника или его скором выходе со службы). Аккумулируя ценную информацию, посредник мог действовать быстро и напористо, подбирая достойных кандидатов из числа своих клиентов и пристраивая их на освобождающиеся должности, опережая при этом других²⁸. Обладание уникальными данными о намечающихся вакансиях имело первостепенное значение для многих локальных сетей, ориентированных на бюрократию.

Одной из наиболее цитируемых работ об отношениях патроната является фундаментальное исследование С. Айзенштадта (S.N. Eisenstadt) и Л. Ронигера (L. Roniger)²⁹. Оно показало, что в основе отношений патроната лежал не только обмен ресурсами, но и удовлетворение потребности в доверии. Поэтому изучение неформальных связей должно отвечать на вопрос о том, как доверие конструировалось в социальном порядке³⁰.

Айзенштадт и Ронигер выделили три типа отношений патроната. Простейшую форму представляла традиционная диадическая связь патрона и клиента (“localised, patron-client relations of a traditional kind”). На следующей ступени эволюции возникли две другие формы: “патрон-посредничество” (patron-brokerage) и “организационное посредничество” (organizational brokerage). Они различались между собой структурно. Если система “patron-brokerage” характеризовалась наличием разрозненных сетей, не связанных друг с другом формально иначе как через деятельность глав-посредников, то система “organizational brokerage” предполагала стремление сетей к интеграции³¹. Книга Айзенштадта и Ронигера является несомненным вкладом в традицию изучения патроната. Вместе с тем, предложенная в ней эволюционная теория была подвергнута критике. Так, М.Н.Афанасьев отмечал: “...архаичность локального патроната и модернность “орброкерства” очевидны, но вот разведение – будь то структурное, будь то стадияльное – “локальных

сетей” и посредничества представляется спорным. Локальный патронат не сводится к диадическим связям. “Локальная диадическая межперсональная форма” есть, на мой взгляд, разновидность робинзонады с прибавлением Пятницы. Даже в отдельной родовой общине, не говоря уже о более сложных социальных пространствах, главы больших семей представляют интересы своих домохозяев в отношениях с вождем или старейшиной. В любых локальных сетях (именно что в сетях) наличествуют свои влиятельные посредники, к тому же локальные патроны нигде не существуют изолированно – во всех традиционных обществах они образуют пирамиду. Посредничество как новое явление – т.е. принципиальная несамодостаточность патроната, невозможность подтвердить авторитет и влиятельность иначе, как обеспечивая-опосредуя доступ к более широким рынкам ресурсов, – отличается от традиционных локальных и надлокальных форм не организационно (либо опосредованная, либо “чистая” диадическая зависимость), а функционально – когда “игры обмена” вскрывают местные мирки и прежние акторы меняют социальные роли”³².

Замечание М.Н.Афанасьева нельзя не признать справедливым. Значение имеет не только изучение собственно структуры взаимоотношений патронов, клиентов и посредников, но также то, как эти отношения вплетались в социально-политический контекст, как осуществлялось их взаимодействие с социальными институтами и, наконец, какие изменения провоцировало такое взаимодействие³³.

Подводя итог этому краткому очерку, можно констатировать, что к настоящему моменту теория патроната разработана весьма основательно. Ее научный инструментальный используется в разнообразных приложениях, в частности, в исследованиях по социальной и политической истории, для изучения иерархий и локальных сетей. Теория патроната дает возможность описать логику неформальных связей, существующих в любом сообществе, а также их влияние на поведение людей, причем наиболее эффективным представляется ее использование в приложениях, связанных с бюрократической средой. В частности, она могла бы стать методологическим фундаментом для исследований о русском чиновном мире XIX – XX веков.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект №06-01-00445а.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

¹ См. подробнее: Maczak, A. From aristocratic household to princely court: restructuring patronage in the sixteenth and seventeenth centuries // Princes, patronage, and the

- nobility. The court at the beginning of the Modern age. c. 1450-1650. - New York, 1991. - P.315.
- ² О меценатстве (под которым традиционно понимают покровительство искусствам, поддержку ученых и писателей) как разновидности патронажа см.: Patronage and institutions. Science, technology, and medicine at the European court. 1500-1750. - Rochester, New York, 1991; Smuts, R.M. Court culture and the origins of a royalist tradition in early Stuart England. - Philadelphia, 1987; The search for a patron in the Middle Ages and the Renaissance. - Lewiston – New York, 1996.
- ³ Cooper, T.E. Mecenasismo o clientelismo? The character of Renaissance patronage// The search for a patron in the Middle Ages and the Renaissance. - Lewiston – New York, 1996. - P.27, 31-32.
- ⁴ Teves, L.B. The sociostructural dimension of people's participation in community-based development. The role of patron-client system in the Philippines. - Kassel, 2000. - P.19; См. также: Maczak, Antony. From aristocratic household to princely court. - P. 315. Нужно отметить, что в литературе на русском языке также встречаются понятия "клиентелизм" и "клиентарность", несколько различающиеся по смыслу. В фундаментальном исследовании М.Н.Афанасьева отмечается, что понятие "клиентарность" ("клиентарные отношения") шире, нежели понятие "клиентелизм", поскольку охватывает как отношения патროнов и клиентов, так и уподобляемые им отношения в современном обществе. См: Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. - М., 2000. - С. 79.
- ⁵ Burke, P. History and social theory. - Cambridge, 1992. - P.72. Как правило, речь идет не об отгороженных от внешнего мира взаимоотношениях патрона и клиента, а о вовлеченности индивидов в своеобразную "паучью сеть", сплетенную из индивидуальных связей. См.: Lande, C.H. Networks and groups in Southeast Asia: some observations on the group theory of politics. - /E.Gellner, J.Watersbury, eds. - Patrons and clients. - London, 1977. - P.76, 77. По определению М.Н.Афанасьева, "в политической социологии утвердилось понимание патрон-клиентных отношений как отношений преимущественно (1) личностных, частных и неформальных, основанных (2) на неравенстве в обладании ресурсами власти и разнице социальных статусов и в то же время (3) на взаимных обязательствах и заинтересованности". Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. - С.42. В числе ключевых работ по патронату также следует назвать: Maczak, A. Ungleiche Freundschaft. Klientelbeziehungen von der Antike bis zu Gegenwart. - Osnabrueck, 2005; Eisenstadt, S.N., Roniger, L. Patrons, clients and friends: interpersonal relations and the structure of trust in society. - Cambridge, 1984; Patrons and clients in Mediterranean societies. - London, 1977; Patronage und Klientel. Ergebnisse einer polnisch-deutschen Konferenz. - Koeln-Wien, 1989; Klientelsysteme im Europa der Fruehen Neuzeit. - Muenchen, 1988.
- ⁶ Alemann, v. U. Politische Korruption: Ein Wegweiser zum Stand der Forschung// Dimensionen politischer Korruption. Beitrage zum Stand der internationalen Forschung. - Wiesbaden, 2005. - S.41.
- ⁷ Афанасьев М.Н. Клиентела в России вчера и сегодня// Полис. - 1994. - №1; Афанасьев М.Н. Клиентелизм: историко-социологический очерк// Полис. - 1996. - №6. Сюжеты этих статей были развиты в упомянутой выше монографии М.Н.Афанасьева.
- ⁸ Schattenberg, S. Beamte in der Russischen Provinz. Ehre und Patronage im 19. Jahrhundert. - Habilitationsschrift. - Berlin, 2006; Краткое изложение ее концепции в русском переводе см.: Шаттенберг С. Культура коррупции, или к истории российских чиновников// Неприкосновенный запас. - 2005. - №4 (42); Orlovsky, D. Political clienelism in Russia: the historical perspective// Leadership selection and parton-client relations in the USSR and Yugoslavia. - London, Boston, Sydney, 1983; Rancel, D. Character and style of patron-client relations in Russia// Klientelsysteme im Europa der Fruehen Neuzeit. - Muenchen, 1988; Raeff, M. The Russian nobility in the eighteens and nineteenth centuries: trends and comparisons// The nobility in Russia and Eastern Europe. - New Haven, 1983; Nolte, H.-H. Patronage und Klientel im fruehneuzeitlichen Russland: ein Orientierungsversuch// Patronage und Klientel. Ergebnisse einer polnisch-deutschen Konferenz. - Koeln-Wien, 1989; Hosking, G. Patronage and the Russian state// Slavonic and East European Review. - 2000. - №2; Bennett, H.A. Evolution of the meanings of chin: an introduction to the Russian institution of rank ordering and niche assignment from the time of Peter the Greatrs Table of ranks to the Bolshevik revolution// California Slavic Studies. - 1977. - Vol.10.
- ⁹ См. например исследование А.С.Минакова о механизмах губернаторских назначений: Минаков А.С. Формирование губернаторского корпуса в пореформенной России// Вопросы истории. - 2007. - №12. - С.3-11. Похожая ситуация встречалась и в европейских странах. В частности, в Англии существовал известный простор для неформального влияния на руководителей, ведавших распределением должностей, как следствие предоставленной им возможности принятия самостоятельных решений. См.: Perkin, H.J. The origins of modern English society, 1780-1880. - London, 1972. - P.45.
- ¹⁰ Сузанне Шаттенберг в своей докторской диссертации высказала убеждение, что в России сохранялась система "кормлений", при которой чиновник рассматривал свою должность как источник дополнительных выгод. Шаттенберг выступила также против приложения к российским чиновникам концепта Макса Вебера "buerocratische Beamte", ввиду их большего соответствия образу "patrimoniale Beamte", то есть "патриархальных служащих". Schattenberg, S. Beamte in der Russischen Provinz. - S.9, 16.
- ¹¹ Maczak, A. From aristocratic household to princely court: restructuring patronage in the sixteenth and seventeenth centuries// Princes, patronage, and the nobility. The court at the beginning of the Modern Age. c.1450-1650. - New York, 1991. - P. 315-316.
- ¹² Bourne, J.M. Patronage and Society in Nineteenth-century England. - London, 1986. - P.13.
- ¹³ Asch, R.G. The revival of monopolies. Court and patronage during the personal rule of Charles I, 1629-1640// Princes, patronage, and the nobility. The court at the beginning of the Modern Age. c.1450-1650. - New York, 1991; Bean, J.M.W. From lord to patron. Lordship in late medieval England. - Manchester, 1989; Community development. /R.Dore, Z.Mars, eds. - London, 1981; Discourses of development: anthropological perspectives. - /Grillo, R.D., Stirrat, R.L., eds. - Oxford, 1997; Eisenstadt, S.N., Roniger, L. The study of patron-client relation and recent development in sociological theory. - /S.N.Eisenstadt, A.Lemarchand, eds. - Political clientelism, patronage and development. - London, 1981; Elliot, J.H. Imperial Spain. 1462-1716. - London, 1963; Friends, followers and factions: a reader in political clientelism. - Berkeley, 1977; Kettering, S. Patrons, brokers, and clients in seventeen-century

- France. New-York – Oxford, 1986; *Tadmor, N.* Family and friends in eighteenth-century England. Household, kinship, and patronage. - Cambridge, 2001; *Schmidt, S.* Patrons, brokers and clients: party linkages in the Colombian system// Political parties and linkage: a comparative perspective. - New Haven, 1980; *Sunter, R.M.* Patronage and politics in Scotland, 1707-1832. - Edinburg, 1986; *Weber, C.* Familienkanonikate und Patronatsbistümer: ein Beitrag zur Geschichte von Adel und Klerus im neuzeitlichen Italien. - Berlin, 1988.
- ¹⁴ О значении трудов Бойссвейна см: *Maczak, A.* Ungleiche Freundschaft. Klientelbeziehungen von der Antike bis zu Gegenwart. - S.42.
- ¹⁵ *Boissevain, J.* Friends of friends: networks, manipulators and coalitions. - Oxford, 1978. - P. 147-148.
- ¹⁶ Ibid. - P.158.
- ¹⁷ Ibid. - P.156-158.
- ¹⁸ Ibid. - P.148.
- ¹⁹ Думается, что термин “тариф” - не самое удачное определение для этой выгоды, поскольку понятие “тариф” предполагает стабильные величины, в то время как выгода, извлекаемая посредником, на практике не всегда поддается измерению и тем более не всегда идентична. Другие исследователи предлагали альтернативные термины. В частности, в работе Ш.Кеттеринг использовался термин “комиссионные посредника”. См: *Kettering, S.* Patrons, brokers, and clients in seventeenth-century France. - New-York – Oxford, 1986. - P.63.
- ²⁰ Хотя это положение справедливо для многих случаев, оно не абсолютно. Как показали исследования Р.Аша (Ronald G. Asch) об английских монополиях XVII века, обмен услугами мог конвертироваться в финансовый расчет: “То, чего ждали от пэра, который купил титул, или владельца патента, получившего монополию, заключалось не в лояльности и службе, а в денежных платежах, либо напрямую королю, либо придворному, действовавшему как посредник в операции”. *Asch, R.G.* The revival of monopolies. Court and patronage during the personal rule of Charles I, 1629-1640// Princes, patronage, and the nobility. The court at the beginning of the Modern Age. c.1450-1650. - New York, 1991. - P.359.
- ²¹ *Boissevain, J.* Op.cit. - P.161.
- ²² В своей работе Бойссвейн использовал понятие “кредит”.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ *Bean, J.M.W.* From lord to patron. Lordship in late medieval England. - Manchester, 1989. - P. 236-237.
- ²⁵ *Bourne, J.M.* Patronage and Society in Nineteenth-century England. - London, 1986. - P.82.
- ²⁶ *Kettering, S.* Op.cit. - P.42.
- ²⁷ *Tygielski, W.* Politics of patronage in renaissance Poland: chancellor Jan Zamoyski, his supporters and the political map of Poland, 1572-1605. - Warsaw, 1990.
- ²⁸ Ibid. - P.35.
- ²⁹ *Eisenstadt, S.N., Roniger, L.* Patrons, clients and friends: interpersonal relations and the structure of trust in society. - Cambridge, 1984.
- ³⁰ Ibid. - P.29.
- ³¹ Ibid. - P. 230, 243-244. Цитируя дословно, “...the different networks tended to be integrated in related chain-to-centre structures”.
- ³² *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. - С.77.
- ³³ Там же.

PATRONAGE AND INFORMAL RELATIONSHIPS IN PRESENT-DAY HISTORIOGRAPHY

© 2009 М.М. Leonov

Samara Municipal Institute of Management

The paper deals with the present-day literature on patronage and informal relationships, published in English, German and Russian languages. M. Leonov argues that the theory of patronage enables us to reveal some things in the history of Russian bureaucracy of the XIX – XX centuries, which are hard to be discovered by means of concentrating only at studying the formal state organization, such as: strategies and mechanisms of influence based on personal links, the personal network itself as well as communicative practices of network participants. The article is prepared with the support of the Russian Humanities Fund, Project №06-01-00445a.

Key words: patron, client, broker, informal relationships, patronage, position, bureaucracy, corruption, civil society, state power, politics.